Век. Москва 1973, 4/111

РАХАТ-ЛУКУМ

КОГДА поезд замедлил ход и вошел под прозрачную крышу перрона, румянощекий старичок в спортивной куртке, совестясь собственной торжественности, сказал Сергею:

— Мы, ваши, официально выражаясь, попутчики по купе, надеюсь, что ваше желание осуществится и вы станете москвичом. А в знак прибытия в столицу просим вас... сей скромный презент...

Пока Сергей силился вспомнить, как, собственно, понимать старинное слово «презент» — подарок или взаймы? — старичок всучил ему старательно завернутый в ленинградскую газету сверток. Затем сконфуженно добавил:

— В поездином буфете более подходящего не... — И развел руками.

Свой пехитрый багаж Сергей сдал в камеру хранения и вышел на Комсомольскую площадь.

Куда ехать?

Щурясь под щедрым июньским солнцем, Сергей вспомнил попавший ему в кубрик журнал с очерком о новом московском районе с совсем не современным названием «Теплый Стан». Одно из самых высоких мест в Москве — вот что запомнилось балтийцу. И сейчас, озорно улынувшись самому себе, он подумал: «А неплохо, пожалуй, начать знакомство со столицей в районе с таким заманчивым названием!».

Теплый Стан оказался совсем не гористым и даже не холмистым. Светлые дома вырастают, казалось, прямо среди зеленого леса. Осматриваясь по сторонам, Сергей услышал горячий спор веснушчатой школьницы с мальчиком, едва удерживавшим лод мышкой толстенный портфель.

— И ничего ты не знаешь, — утверждала она. — А вот я покажу тебе место, где будут строить новый зоопарк! Совсем-совсем недалеко!

Быстро развернув презентованный ему сверток, Сергей вынул одну из полдюжины пестрых коробочек и дал девочке.

— Ой, рахат-лукум! — прозвонил ее радостный возглас.

А мальчик деловито осведомился:

— За что, дядя?

— За ценную информацию, — лукаво ответил Сергей, к тому моменту уже решивший пойти только на одну из теплостанскихстроек.

Неподалеку от кирпичного острова будущего универсама Сергей приметил несколько молодых парней, судя по комбинезонам, строителей. Под раскидистой липой, заботливо обходившей дорожниками, они смачно запивали ряженкой огромные бутерброды с котлетами.

— Ребята, а с кем у вас можно потолковать о работенке?

— Если тянет в общежитие нашего без пяти минут передового СМУ, — ответил Сергею цыганского облика парень, — то апартаменты уважаемой кадровички вою в том дворце. — И указал на одноэтажное строение явно временного характера.

— Лови! — Сергей метнул парню пеструю коробочку.

Ловко подхватив ее на лету, цыганский парень крикнул:

— Гляди, как бы наша кадровичка совсем тебя, рахат-лукум, не заполонила!

— Такая она у вас красавица? — в тон ему спросил Сергей.

— Красавица? — Хитро подмигнув приятелям, парень скроил гримасу: — Мыра, ужа! Чистая Баба Яга!..

Дверь с прикипяченной полоской ватмана, на котором не очень каллиграфически выведено было: «Кадры», Сергей нашел быстро.

Постучался. Не ответили.

Дернул ручку. Заперто.

До конца рабочего дня оставалось более часа — Сергей решил подождать у двери.

По узенькому коридору снова женщины с бумагами. Никто, однако, не походил на строгую и хмурую — в представлении Сергея — кадровичку, тем более Бабу Ягу.

— Вам в кадры?

Сергей оглянулся. И на какое-то мгновение растерялся. Детально не описывая почти голубых глаз, далеко не бледных щек и едва ли не золотых волос девушки, скажу просто: именно такие представительницы прекрасного пола привлекали повышенное внимание молодого балтийца на экранах и цветных вкладах «Огонька».

— А что? — В запальчивости он ответил вопросом на вопрос. — Разве кадровичка не сонзволнит заглянуть в свой кабинет?

— Приходите завтра к девяти.

— Почему завтра? Рабочий день еще сегодня не кончился, — уже совсем вызывающе возразил Сергей.

Девушка внимательно взглянула на него, как бы стараясь разгадать

не понятного ей человека, и неожиданно спросила:

— Тельняшка у вас для шиффасона или...

— Или! Предъявлю товарищу кадровичке документы о демобилизации из Краснознаменного Балтфлота.

— Предъявите уже кадровику, — тепло ответила она. — Товарищ кадровичка только что сдала дела.

— Выставили по собственному желанию?.. Что ж, кадровик скорее поймет меня.

— Почему такое пренебрежение к женскому полу?

Сергей улыбнулся, как бы подчеркивая, что сморозил глупость и не стоит, мол, ее принимать всерьез:

— И она поняла бы. Ничего мудреного нет. Просто еще на эсминце решил: буду работать только на московской стройке...

...Машинист метропоезда объявил:

— Следующая остановка «Парк культуры».

— Моя остановка, — сказала девушка Сергею.

— Пожалуй, и я сойду, — притворно равнодушным голосом заметил он.

Комната смеха. Чертовое колесо. Чебуречная. Гранитный парапет набережной. Наконец, лодка.

— Обожаю рахат-лукум, — с трудом разжимая склеенные сладкой массой зубы, произнесла Галя, любящая, как легко и складно управляется с веслами Сергей.

Он уже знал, что Галя родилась и прожила всю свою жизнь в Мо-

ске. Что окончила строительный техникум. Что, кроме столицы, почти нигде еще не была.

— Это ужасно, правда? — Она искала сочувствия у Сергея: — Подумать только, мне пошел уже третий десяток, а я еще не видела Сибири! Не знаю Балтики! Не была на Украине!

В водах Москвы-реки заплесали огни вечернего города. И пока Сергей мучительно решал, можно ли предложить поеживающейся от прохлады Гале свою куртку, она воскликнула:

— Ой, одиннадцать! Из дому уже, наверное, звонят в милицию: пропала дочка!

У вестибюля метро Сергей отважился спросить:

— Нельзя узнать ваши координаты?.. Надоедать не буду, но...

— Но с завтрашнего дня у меня нет координатов, — услышал он непонятный ответ. — В Москве, — уточнила девушка. — Завтра утром мы уезжаем.

— Вдвоем? — с плохо скрытой тревогой тихо спросил Сергей.

— Что вы, нас двадцать четыре! — И поняв, что он окончательно уже сбил с толку, Галя пояснила: — Наше СМУ — шеф, или, можно сказать, побратим механизированной стройколонны под Тюменью. Комсомольскую стройку надо завершить досрочно — и вот туда едет отряд наших добровольцев. И я подумала, что в кадрах без меня... Словом, поезд отходит в восемь шестнадцать. — Торопливо попрощавшись с Сергеем, уже из

толпы крикнула: — С Казанского вокзала!

...Сергей сразу же заметил Галю на шумном перроне. Но не решился подойти: уж очень много провожающих толпились вокруг.

А тут еще послышались звуки аккордеона, и солидный майор закружил Галю в вальсе.

Не знаю, забилось ли в тот момент у Сергея, как положено в таких случаях, сердце, но он подошел к Гале.

То ли из-за шума, то ли от волнения она услышала только отдельные его слова:

— Тоже в Тюмень... Девятый вагон... Всегда хотел в механизированную... Как хороша Красная площадь на рассвете... Памятник Пушкину... В отпуск обязательно в Москву...

Аккордеон неожиданно смолк. Парень из провожающих, в котором Сергей узнал одного из поклонников ряженки с котлетами, начал напутственную речь. Говорил он недолго и кончил так:

— Пусть же наши добровольцы как следует покажут себя в Сибири. Пусть там скажут: здорово работают двадцать четыре москвичка!

— Двадцать пять москвичей, — внятно поправила Галя.

Все удивленно посмотрели на нее. Но в этот момент состав вздрогнул, и Сергею пришлось спринтерским бегом помчаться к своему уплывающему вагону.

Стоя на подножке, он услышал, как Галя мама кричала вслед уходящему поезду:

— Что тебе прислать, доченька? Галиного ответа Сергей, конечно, расслышать не мог. А жаль! Она ведь крикнула:

— Рахат-лукум, мамочка!